

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

24
2012

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Зарегистрировано в Комитете РФ по печати.
Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Издается 2 раза в месяц.

 Издательская группа «Юрист»

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор
Бабич И.Л., д.и.н.

Крашенинникова Н.А., д.ю.н.,
профессор

Луковская Д.И., д.ю.н., профессор
Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор
Нижник И.С., д.ю.н., профессор
Покровский И.Ф., д.ю.н., профессор
Рассказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор
Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор
Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор
Станкевич З.А., д.ю.н., к.и.н.

Степашин С.В., д.ю.н., профессор
Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор

Хабибуллин А.Г., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Бодурова О.Г., к.ю.н., доцент

Клименко А.И., к.ю.н.

Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент

Сигалов К.Е., д.ю.н., к.ф.н., доцент

Стрельников К.А., к.ю.н.

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:
Белых В.С., Ренов Э.Н., Платонова О.Ф.,
Трунцевский Ю.В., Фоков А.П.

Центр редакционной подписки:
(495) 617-18-88 – многоканальный
rodpiska@lawinfo.ru

Редакция:

Бочарова М.А.,
Макарова Н.М.

Адрес редакции:

115035, г. Москва, Космодамианская наб.,
д. 26/55, стр. 7
тел./факс: (495) 953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru

Подписной индекс:

Почта России – 10866;
«Объединенный каталог» –
85492 (на полут.).
Также можно подписаться
на www.gazeta.ru

Отпечатано в ООО «Национальная
полиграфическая группа»

Тел. (4842) 70-03-37

Формат 60x90/8.

Печать офсетная.

Общий тираж 3000 экз.

Подписано в печать 15.11.2012 г.

ISSN – 1812-3805

Полная или частичная перепечатка материалов
без письменного разрешения авторов статей
или редакции преследуется по закону. Цена свободная.

ПРАВОВАЯ ТЕОРИЯ В ИСТОРИИ ПРАВА

Андреева И.А. Феминизация полиции Франции: исторический аспект	2
Лоба В.Е. Самоубийство сквозь призму уголовного законодательства: историко-правовой аспект	5
Низмутдинов Б.В. Понятие права в трудах классиков евразийства	9
Карпович О.Г. Эволюция научных взглядов на вопросы противодействия экономической преступности в США	15
Войтенков Е.А. Юридические исследования в области безопасности дорожного движения: историко-правовой аналитический обзор	18

КОНТРОЛЬ И НАДЗОР В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Познахирев В.В. Организационно-правовые меры предупреждения побегов из плена в России в XVIII – начале XX века (на примере турецких военнопленных)	22
Фролов В.В. Организационная структура региональных прокуратур РСФСР в 1945–1955 годах (по материалам прокуратуры Псковской области)	24
Чернецкая О.Н. Эволюция института государственного контроля в Российском государстве в парадигме развития общественного самосознания	28
Лысак Н.В. Должностные растраты в потребительской кооперации и борьба с ними в годы нэпа	31
Токарева С.Н. Профессиональная подготовка служащих полиции начала XX столетия (по материалам центрального Черноземья России)	35

РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВ СОБСТВЕННОСТИ: ИСТОРИЯ ПРОБЛЕМЫ

Мухаметзарипов И.А. Особенности правового оформления вакуфных отношений в округе Оренбургского Магометанского Духовного Собрания в конце XVIII – начале ХХ века	39
Баскова А.В. Правовые формы регламентаций прав монастырей на приобретение имущества в XVI–XVII вв. (статья во вложении)	41

РОССИЙСКАЯ ПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА

Шахрай С.М. Планы партий – драма народа, или многопартийность: нужно ли второй раз наступать на те же грабли?	45
--	----

РЕЦЕНЗИИ

Осипов Г.В. Рецензия на книгу А.А. Яника «История современной России: истоки и уроки последней российской модернизации (1985–1999) годы	50
---	----

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией
Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации
основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук.

- ⁸ Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А.Г. Маньков. М., 1986. С. 358.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Филиппов А.Н. О наказании по законодательству Петра Великого, в связи с реформою // Ученые записки Императорского Московского Университета. Отдел юридический. Вып. 7. М., 1891. С. 446.
- ¹¹ Устав морской. О всем, что касается к добруму управлению в бытности флота на море. СПб., 1763. С. 149.
- ¹² Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Изд. 7. Киев, 1915. С. 369.
- ¹³ Свод законов уголовных. СПб., 1832. С. 121.
- ¹⁴ Лохвицкий А.В. Курс русского уголовного права. СПб., 1871. С. 545.
- ¹⁵ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845. С. 498.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. С. 498–499.
- ¹⁹ Там же. С. 499.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1857. С. 509–510.
- ²² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1866. С. 362–363.
- ²³ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1885. С. 300.
- ²⁴ Спасович В.Д. Учебник уголовного права.. Том I (вып. 1). СПб., 1863. С. 391.
- ²⁵ Набоков В.Д. Элементарный учебник Особенной части русского уголовного права. Вып. 1, Кн. I и II. СПб., 1903. С. 13.
- ²⁶ Калмыков П.Д. Учебник уголовного права. Часть общая и особенная. СПб., 1866. С. 460.
- ²⁷ Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. СПб., 1907. С. 10.
- ²⁸ Таганцев Н.С. О преступлении против жизни по русскому праву. Том II. СПб., 1871. С. 415–416.
- ²⁹ Уголовное уложение. Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб. : Сенатская типография, 1903. С. 92.
- ³⁰ Загородников Н.И. Советское уголовное право. Общая и Особенная части. М. : «Юридическая литература», 1975. С. 355.
- ³¹ Анияц М.К. Ответственность за преступления против жизни по действующему законодательству союзных республик. М. : Юридическая литература, 1964. С. 175.
- ³² О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР (вместе с Уголовным Кодексом РСФСР) : постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. // СПС «Консультант Плюс».
- ³³ О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР редакции 1926 года» (вместе с Уголовным Кодексом РСФСР) : постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г. // СПС «Консультант Плюс».
- ³⁴ Курс советского уголовного права. В 6 т. / ред. коллегия: А.А. Пионтковский, П.С. Ромашкин, В.М. Чхиквадзе. М.: «Наука», 1971. Т. 1. Преступления против личности, ее прав. Хозяйственные преступления. С. 81.
- ³⁵ Уголовный кодекс РСФСР с постатейными материалами. М.: Юридическая литература, 1984. С. 51.
- ³⁶ Ковалев М.И. Право на жизнь и право на смерть // Государство и право. 1992. № 6. С. 70.
- ³⁷ Уголовный кодекс Аргентины / науч. ред. и вступит. ст. Ю.В. Голика; пер. с исп. Л.Д. Ройзенгурта. СПб. : «Юридический центр Пресс», 2003. С. 85.
- ³⁸ Уголовный кодекс Испании / под ред. и с предисл. Н.Ф. Кузнецовой и Ф.М. Решетникова. М.: Зерцало, 1998. С. 52.
- ³⁹ Коробеев А.И. Преступления против жизни // Полный курс уголовного права. В 5 т. / Под ред. А.И. Коробеева. Т. II. Преступления против личности. СПб. : Издательство Р.Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. С. 275.
- ⁴⁰ Капинус О. С. Эвтаназия в аспектах de lege lata и de lege ferenda // Государство и право. 2008. № 5. С. 99.

ПОНЯТИЕ ПРАВА В ТРУДАХ КЛАССИКОВ ЕВРАЗИЙСТВА*

Автор различает подходы к праву, представленные в трудах классиков евразийства. Различия между подходами, по его мнению, объясняются метаюридическими основаниями, которыми они обусловлены, — учением о «всеединстве» у Л.П. Карсавина и «феноменологическим методом» у Н.Н. Алексеева.

Ключевые слова: евразийство, идеократия, понятие права, феноменология.

The author distinguishes several approaches to law in classical eurasianism. These distinctions, on his opinion, are based on metalegal grounds — on «alleinheit» theory in the writings of L.P. Karsavin and on «phenomenological method» in the works of N.N. Alexeev.

Key words: eurasianism, ideocracy, the concept of law, phenomenology.

Классическое евразийство — одно из наиболее востребованных в современной науке течений русской эмиграции 1920–1930 гг.; работы о евразийстве сравнительно много. Причиной такой актуальности стал масштаб «евразийской» задачи: филолог Н.С. Трубецкой, геополитик П.Н. Савицкий, юрист Н.Н. Алексеев стремились к созданию всеобъемлющего мировоззрения,

которое бы объясняло явления не только социального, но и природного бытия.

В подобном контексте совершенно по-новому ставился вопрос об уникальности России как «мира в себе», чье природное и социокультурное пространство, а также исторический путь отличны от ритмов Европы и Азии. Этот «мир», по мнению евразийцев,

* NIZMUTDINOV B.V. NOTION OF LAW IN TREATISES OF CLASSICS OF EURASIANISM

нуждается в особой политико-правовом форме. Осознавая проблему территориальной целостности Российского государства, авторы обосновывали ее субстанциально, через единство Евразии — огромной равнины, окруженной хребтами Кавказа, Тянь-Шаня и т. д. Единство такого пространства исключало отчуждаемость территорий, отрицало право септизации.

Политическому евразийству посвящено множество исторических и политологических исследований. Юридических работ, посвященных воззрениям евразийцев, гораздо меньше. Многие из них сводятся к анализу евразийской идеократии¹, либо посвящены некоему общеевразийскому пониманию права². Авторы за редким исключением не рассматривают различные определения понятия права, представленные в трудах Н.Н. Алексеева, Л.П. Карсавина, В.Н. Ильина, не учитывают сложности внутриевразийских дискуссий по поводу основных правовых понятий. Автор данной статьи стремится исправить заявленное упущение.

Право в сети социальных понятий

Междисциплинарность евразийских исследований проявлялась в том, что некая базовая идея, например, понимание народа как личности, непременно должна была отображаться во всех сферах знания. Эта идея с необходимостью выдвигала на первый план интересы «симфонической», коллективной личности, а не блага изолированных индивидов. Отсюда — и идея нравственного служения граждан в пользу социального целого, реализующего себя в государстве. Отсюда — и понимание евразийцами государственной власти как «правообязанности», а не правомочия, ибо властвовать в собственном праве нельзя: правящие обязаны выражать интересы многонациональной личности.

В силу этих причин евразийцы пытались дать право такое определение, какое бы соответствовало их первоначальной концепции идеократии как порядка служения «общей идеи». В связи с этим возникло понятие «подчиненного права», где право «подчинено», однако, не государству, но, прежде всего, метафизическими принципами³.

По мнению авторов, эйдосам (в терминах П.Н. Савицкого — «организационным идеям»), обладающим особым онтологическим статусом, на уровне обыденного существования соответствуют «представления», т.е. рассудочное, но не эмоциональное восприятие идей и ценностей. Этому уровню представлений соответствует право: таково общее мнение евразийцев, следовавших здесь, прежде всего, за Платоном.

Проблема, меж тем, заключалась в том, что Н.Н. Алексеев, В.Н. Ильин, и Л.П. Карсавин давали право различные определения. Н.Н. Алексеев представил наиболее развернутое и убедительное видение правовой идеи, однако это не способствовало тому, чтобы остальные примирились с подобной трактовкой, ведь они исходили из иных мировоззренческих предпосылок.

«Право» и «правда» в трудах

В.Н. Ильина и М.В. Шахматова

В.Н. Ильин определял право как «совокупность положений, в которых отражаются отношения членов общества и государства друг к другу во всей их возможной констатируемой полноте, и которыми в то же время эти отношения регулируются и направляются, исходя из представлений о должном, как абсолютной правде»⁴.

Определение это в известной степени несовершенно. Но если выявить его смысл контекстуально, можно прийти к тому выводу, что право, по мнению автора, наряду с нравственностью, имеет своим основанием «правду» — внеэмпирическое начало, основанное на христианской религии. Подобное единое начало проявляет себя как в праве, так и в нравственности, поэтому «естественное право» не есть отражение нравственного начала в праве, но скорее сверхнравственного и сверхправового начала.

При этом право и нравственность различается не по объему (как, например, у В.С. Соловьева), но качественно. В.Н. Ильин подчеркивал, что «право, обязываясь обеспечить формальную возможность (формальную свободу) произнесения морального суждения (суда), должно оставаться нейтральным (т. е. не входить со своим аппаратом в моральную квалификацию действия). Только при таком типе соотносительности мораль санкционирует право, а право ограждает мораль — что и является нормой отношения обоих. Смешение же и разделение той и другой сферы приводят к взаимным деформациям»⁵.

Подобными искажениями, по В.Н. Ильину, являются морализация права и юридизация морали. В первом случае властвующий стремится к утверждению сугубо нравственных отношений между людьми путем правового регулирования: примером тому стала деятельность Советского государства, недопустимая по своей сути, поскольку право реализующее себя как максимум нравственности, оборачивается насилием⁶.

Догматизация же права, воплощение идеи о том, что право имеет в себе собственное основание, свободное от «правды», приводит, по мнению автора, к разделению права и морали, что на уровне отдельно взятого человека ведет к постепенной «юридизации морали». Индивид, пусть даже и соблюдая право, постоянно преследует эгоистическую выгоду, не заботясь о нравственном, межчеловеческом содержании своих правовых поступков.

Стремясь предотвратить эти искажения, В.Н. Ильин попытался найти нечто единое в праве и морали, ведь выявление этого «общего» позволило осознать бы и «особенное», способствовало бы органическому взаимодействию права и морали, а не их взаимной экспансии. Подобное «общее» автор обрел в понятии «правды», имеющей, по его мнению, религиозное происхождение. Такая «правда» коренится в христианском

учении, она неверифицируема, в ее действительность можно только верить⁷.

Схожее видение права представил М.В. Шахматов, не ставший евразийцем, но опубликовавший в евразийских изданиях несколько статей. Он считал, что «право по содержанию сверхсознательно и вытекает... из правды Божией» и заявлял, что научное изучение «права по содержанию» в отличие от исследования «права по форме» невозможно: у права нет собственного, отличного от религии основания⁸.

Идеальное право возможно лишь в «государстве правды», защищающем определенное вероисповедание⁹. Полномочия властвующих связаны здесь не рамками позитивного права, но религиозно-нравственными ограничениями. Наиболее близким подобному идеалу, по мнению Шахматова, было Московское государство с конца XV в. вплоть до введения Иваном IV опричнины¹⁰.

Правитель в таком «государстве правды» не считался сувереном вовсе не потому, что его воля была связана волей подвластных, но поскольку власть его ограничивалась «законом» и «правдой». Причем под «законом» в те времена понималось именно то, что нельзя изменить произвольно, тог есть прежде всего закон религиозный и закон государственный. Причем под последним понимался не писаный акт, но нечто неизменяемое в политическом и правовом общении. «Правдой» же назывались совокупность норм положительного права («Русская правда»), международные, международные договоры, а также то, что можно назвать «естественным правом», представлением о справедливости¹¹.

Можно заметить, что М.В. Шахматов в зависимости от контекста толкует «правду» по-разному, однако его объединяет с В.Н. Ильиным следующее мнение: вневременный принцип, проявляющийся в праве, обосновывает его через приобщение к «правде», причем последняя носит религиозный характер.

Подобная позиция была в саркастической форме оспорена Г.Д. Гурвичем¹². Можно отчасти согласиться с критиком в том, что понятие права, предложенное В.Н. Ильиным и М.В. Шахматовым, в контексте юриспруденции неоправданно. Общая отсылка к религиозному началу воспринимается как аксиома, из которой нужно последовательно выводить иные значимые положения, но таковых у названных авторов нет. Кроме того, они несколько огрубляли проблематику, противопоставляя свои «религиозно-правовые» взгляды абстрактному «европейскому» пониманию права, какое они необоснованно отождествили с «государственной теорией права».

М.В. Шахматов и В.Н. Ильин не выстроили последовательной теории права, ограничившись общей отсылкой к «правде». По сути, перед нами вариация на тему классического естественного права с вкраплениями идей И. Канта о нравственной автономии личности

(у В.Н. Ильина) и взглядами Платона, преломленными в призме христианства (у М.В. Шахматова). Вероятно, это понимали и родоначальники евразийства, потому они и пытались найти тех ученых, которые бы предложили иное понятие права.

Право как «область ценнего» у Н.Н. Алексеева

С присоединением к евразийству Н.Н. Алексеева наметился отход от прежнего понимания права: призыва к феноменологии Э. Гуссерля, автор был принципиальным противником «естественно-правовых» конструкций. Вместе с тем он был далек и от социологической юриспруденции, полагая, что «в праве содержится некоторый вечный и абсолютный элемент, что, стало быть, идея права не разлагается на несвязную кучу отдельных исторических моментов»¹³.

Н.Н. Алексеева нельзя считать и сторонником юридического позитивизма. По его мнению, позитивное право — сборное понятие, которое может охватывать как правоположения, так и технические, нравственные и иные нормы¹⁴. Юрист отрицал, что право сводится к общеобязательным нормам, обладающим принудительным характером, ведь «право в таком понятии отождествляется с законом, т. е. с тем, что установлено, как необходимое принудительное правило человеческого поведения»¹⁵.

Отрицая данный подход, Н.Н. Алексеев начал с парадоксального утверждения о том, что праву нельзя дать исчерпывающего определения, можно описать лишь его структуру¹⁶. К подобному выводу ученым пришел, пользуясь специфически понятым «феноменологическим методом». Право, по мнению автора, нужно определять через деятельность сознания, а не через «другое» — государственное нормотворчество, установившуюся практику социальных отношений и др. Все это, даже момент принуждения, — внешние по отношению к праву начала.

Чтобы понять, что такое право, нужно правильно сконцентрироваться на предмете исследования, попытаться «выразуметь» его структуру. В результате такой концентрации автор пришел к выводу, что правовая структура состоит из трех элементов: субъекта (то есть того, кто наделен сознанием); ценностей, которые субъект рассудочно признает, а также во взаимосвязи субъекта и ценностей, реализуемой в базовых правовых соответствиях — правомочии и правовой обязанности.

Правовой субъект, по Н.Н. Алексееву, мыслится как «деятель, как носитель актов, обнаруживающих ценности — в частности, актов признания»¹⁷, а вовсе не тот субъект права, о котором чаще всего говорит юриспруденция, подразумевая под ним физическое или юридическое лицо. Именно поэтому подлинными субъектами права могут быть лишь индивидуальные личности, обладающие сознанием. Им в силу определенных характеристик (возраста, душевного состояния) вменяют-

ся свойство «быть разумным», точнее — способность мыслить и обладать возможностью рассудочно признавать ценности. Причем под «признанием» понимается не формально-правовая констатация факта, но «особое отношение к ценностям, сводящееся к установлению интеллектуального общения с ними»¹⁸.

Однако право, подчеркивает автор, не может предусмотреть все условия, в силу которых лицо способно рассудочно признавать ценность. Право лишь может вменять лицу свойство рассудочности, откуда и появляются понятия дееспособности и вменяемости как способности осознавать значение своих поступков и управлять своими поведением¹⁹.

Подобное вменение может быть применено по отношению к индивидуальной личности. Общности и организации, по Н.Н. Алексееву, не наделены сознанием, подобным сознанию индивидуальной личности, поэтому они не могут совершать действия, схожие с поступками индивида, не являются полноценными правовыми субъектами²⁰. Причем правовое сознание индивидуального субъекта не есть некоторая субстанция, независимая от предметного мира; оно всегда направлено на предмет. Предметом же в этом случае становятся ценности, рассудочно схватываемые сознанием. Поэтому бессмысленно рассуждать о правосознании вообще, необходимо его рассматривать только в связи с ценностями справедливости, равенства, добра и др.

Важно, что в таком случае понимается под ценностью. Она, по мнению автора, есть «не что иное, как идея совершенства, в той или иной степени, с тем или иным приближением могущая быть достигнутой в пределах посюстороннего мира»²¹. Н.Н. Алексеев здесь близок концепции М. Шелера: «ценность, по Шелеру, это феномен, самообнаруживающийся в акте эмоциональной интуиции, феномен, которого нет вне направленности на него сознания <...> Шелер различает ценности и их носителей, понимая "становятся действительными"»²².

Тем не менее, Н.Н. Алексеев объясняет отличие своих взглядов от теории Шелера тем, что укореняет ценности в христианской религии²³. Но в отличие от Шахматова и Ильина русский юрист стремится выстроить правовую теорию. Он иным образом различает право и нравственность, ведь «все различие между нравственным обещанием и юридической его формой (договор) сводится, в сущности говоря, к различным степеням глубины в переживаниях ценности. Если глубина эта значительна, если она соответствует степени эмоционального переживания ценности, мы имеем дело с явлением нравственным. Если глубина сравнительно поверхностна, если дело идет только об усмотрении ценности, о чисто интеллектуальном соображении последствий, вытекающих из тех или иных ценностных актов, мы имеем дело с явлениями правовыми»²⁴.

Третим элементом правовой структуры Алексеев считает «те основные определения, которыми харак-

теризуется особое, специфическое, правовое отношение ценностей, как между собою, так и к носителям <...> [Существуют] два основных предикамента всякого правового феномена, — и именно понятие "правомочия" и "правообязанности" [то есть правовой обязанности]»²⁵.

Если субъект обладает каким-либо ценным имуществом (например, собственностью) или чем-либо ценным, не объективированным предметно (свободой совести), он является управомоченным — тем, кто сам в одном из своих моментов является ценностью, тогда как другой признает за ним это свойство и не посягает на него, являясь лицом обязанным. Обязанность опознается, когда ощущается ценность другого: «Быть носителем обязанностей не только не означает быть ценностью, но скорее означает нечто противоположное: "быть средством для выполнения некоторой цели", ... "служить какой-то ценности"»²⁶.

Долженствование у Н.Н. Алексеева следует из признания сущего, ценностей. Если лицо признает «добро» как ценность, то оно признает и организационные формы (т. е. совокупность правил) проявления этого добра, например, договор дарения. Если — ценность любви, то лицо не допускает принуждения в любви, признает принцип добровольности брака.

Нормы, регулирующие эти отношения, не предшествуют актам сознания, но являются их следствием, отраженным в праве в форме долженствований. Поэтому государство не творит право, а закрепляет его в нормативных текстах. Позитивное право автор называл не «объективным», но «установленным» правом, имеющим обязательную силу²⁷.

Очевидно, что ученый в этом вопросе отталкивался от теории Л.И. Петражицкого, утверждавшего первичность интуитивного права по отношению к позитивному, однако Н.Н. Алексеев отрицал, что в основе права лежат эмоции. Петражицкий именовал правовые переживания «бланкетными эмоциями», то есть отысканными, приобретенными. Алексеев не отрицал бланкетного характера подобных переживаний, однако более подходящим названием для них мы сочтем «бланкетные интуиции». Индивид интуитивно соотносит себя с ценностями, рассудочно, а не эмоционально их признает; сами же ценности вариативны в зависимости от культуры.

Последнее утверждение отдаляет Н.Н. Алексеева от М. Шелера, утверждавшего неизменную иерархию ценностей. У российского автора они переменичивы, поэтому здесь и важен вопрос: что обосновывает сами ценности? Автор не дал исчерпывающего ответа. В случае России он говорил о христианской религии, но как обосновывать ценности в контексте светского государства? Чем объяснить ценностные различия культур, следующих одной и той же религии? В теории Н.Н. Алексеева, обозначившей свои контуры в начале 1920-х гг., образовалась лакуна, которую впоследствии

и заполнило евразийство: автор примкнул к движению в 1926 г. Ценности, по мнению евразийцев, конструируются не только в соответствии с религией, но и «мисторазвитием». Изолированный индивид не мог бы себя защитить в пределах огромной Евразии, поэтому аксиология России, подчеркивающая ценность социального целого, отличается от аксиологии иных общностей, что обуславливает уникальность «евразийской» правовой системы.

Очевидно, что Н.Н. Алексеев сознательно избегал крайностей индивидуализма и организма, из-за чего предложенная им «правовая структура» доступна для критики с обеих сторон. Индивидуалист обвинил бы Н.Н. Алексеева в пренебрежении идеей личности. Ведь Алексеев, считая человека носителем ценности, пытался преодолеть утверждение, что человек сам по себе — основная правовая ценность, подчеркивал, что не сам человек, как личность, является самоценным (тогда бы ценилось и зло в человеке), но лишь определенные свойства подобной личности являются «предметом правовой защиты»²⁸. Органист настаивал бы на том, что общность обладает более устойчивым, исторически выверенным правосознанием, нежели индивид; общность также способна к коллективному различию права и неправа, причем ее переживания более сложны и продолжительны, потому и более значимы, чем у отдельной личности. Позицию «органиста» занимал Л.П. Карсавин, взгляды которого мы рассмотрим подробнее.

Л.П. Карсавин: право как нижний предел нравственности

Исходя из философии всеединства, позволяющей сконструировать модель «коллективной личности», Карсавин заключал, что право, как и нравственность, является моментом этой личности. Однако право, в отличие от религиозно-нравственной деятельности многочеловеческого субъекта, характеризует эмпирическое, предметное бытие данного субъекта. Оно есть земное явление, поэтому право и нравственность не равновелики, но иерархичны: они отражают различное отношение симфонической личности к своему совершенству, поэтому право связано с низшей сферой нравственности — идеей справедливости²⁹.

Идеей справедливости и обосновано право, однако «в отличие от нравственности, право формально, определяя условия религиозно-нравственной деятельности, а не ее самое, так что в формах права возможна и деятельность безнравственная. Оно может охранять данный религиозно-нравственный уровень общества и создавать условия для его дальнейшего развития, но не обладает творческими силами нравственности и не может сделать людей более совершенными»³⁰.

Исходя из того, что пределы права — нижние границы нравственности, право должно блокировать абсолютно безнравственные поступки, поэтому основны-

ми признаками права становятся «охранительность», «принудительность», «формальность», «нормативность»³¹. Причем Л.П. Карсавин признавал теорию «права как этического минимума», поскольку она исходила из первичности общественного перед индивидуальным. Ведь «с точки зрения Еллинека, не индивидуальное нравственное сознание должно стать источником объективного нравственного закона, а наоборот, социальная этика сообщает индивидуальному сознанию содержание нравственного императива»³².

Примечательно, что упоминавшийся нами Г.Д. Гурвич сочетал в своем учении о «социальном праве» воззрения Н.Н. Алексеева, считавшего право совокупностью актов признания ценостей, и правовой организм Л.П. Карсавина.

Гурвич использовал те же самые доводы при обосновании правовой структуры, что и Алексеев: он отрицал, что право создается государством, говорил о связи права и обязанности, называл справедливость основным признаком права, упоминал об актах признания ценостей и в схожем ключе синтезирует выводы Э. Гуссерля и Л.И. Петражицкого³³.

Важно, что Гурвич был, безусловно, знаком с трудами Алексеева, он подчеркивал, что в «Основах философии права» Алексеев стремился «синтезировать идеи Петражицкого с учениями интуитивизма и русской религиозной школы»³⁴. Но развивая воззрения Алексеева, Гурвич, сместил главный акцент: юридический опыт для него — всегда опыт коллективный³⁵.

Ученый подчеркивал, что в отличие от нравственного опыта, имеющего преимущественно духовный характер, правовой опыт не в меньшей степени причастен чувственному миру³⁶. Поэтому мнение человека о том, что он король, само по себе не является правовым: таковое можно считать лишь нравственным переживанием собственной избранности. Но как только люди признают его королем, начнут оказывать почести, подчинятся ему как монарху, то такой опыт станет правовым. Субъектом признания здесь становится не индивид, а общность в целом³⁷.

Как можно заметить, Гурвич примыкал здесь к воззрениям Карсавина, которого считал «самым глубоким» религиозным русским философом³⁸; Гурвич также упоминал о понятии «всеединства» в своих работах³⁹. Более того, его правовая аргументация напоминает доводы Карсавина⁴⁰.

Заключение

В теории «социального права» Г.Д. Гурвича, ставшей известной за рубежом, соединялись два полярных тезиса правовой философии евразийцев: право как акт признания ценности (Н.Н. Алексеев) и общность как источник признания опыта правовым (Л.П. Карсавин). Однако подобный синтез стал возможен на особой философской платформе, какой не было у евразийцев — их «метанаучные» теории, спроектиро-

ванные на право, противоречили друг другу. Учение о «всеединстве» Л.П. Карсавина способствовало «правовому организму»; «феноменологический метод» Н.Н. Алексеева расщеплял социум на индивидуальные правовые сознания.

Подобные расхождения впоследствии привели к различным моделям идеального евразийского государства: Н.Н. Алексеев долгое время отрицал, что коллективный орган мог бы стать главой государства, поскольку не считал его подлинно «правовым субъектом», наделенным волей и сознанием. Противоположную позицию занимал Н.С. Трубецкой⁴¹.

Те же самые расхождения приводили к различным взглядам на соотношение права и нравственности, о чем выше и упоминалось. Однако двум этим важным вопросам — государственному идеалу евразийцев и их взглядам на соотношение права и нравственности — должны быть посвящены отдельные исследования.

**Назмутдинов Булат Венерович,
преподаватель кафедры теории права
и сравнительного правоведения Национального
исследовательского университета —
«Высшая школа экономики»,
кандидат юридических наук**

ethemerr@gmail.com

- ¹ Крымов А.В. Евразийская идеократия и государственно-правовое учение В.С. Соловьева: дис.... канд. юрид. наук. Мытищи, 2008; Палкин А.Г. Концепция государства в учении евразийцев : дис.... канд. юрид. наук. Омск, 2009.
- ² Исаев И.А. Политико-правовая утопия в России: конец XIX — нач. XX в. М., 1991. С. 203–233; Ахматов А.В. Философия права евразийства. Историко-философский анализ : дис....филос. наук. М., 2009.
- ³ Алексеев Н.Н. К учению об объективном праве // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Париж, 1931. С. 251.
- ⁴ Ильин В.Н. К взаимоотношению права и нравственности // Евразийский временник. Кн.IV. Берлин, 1925. С. 306.
- ⁵ Там же. С. 306–307.
- ⁶ Там же. С. 307.
- ⁷ Там же. С. 309 —310.
- ⁸ Шахматов М.В. Государство правды // Шахматов М.В. Государство правды. М., 2008. С. 40.
- ⁹ Там же. С. 41.
- ¹⁰ Там же. С. 30.
- ¹¹ Шахматов М.В. Подвиг власти // Шахматов М.В. Государство правды. С. 15.

- ¹² Гурвич Г.Д. Пророки // Дни. 1925. № 796. С. 2.
- ¹³ Алексеев Н.Н. Введение в изучение права. М., 1918. С. 11.
- ¹⁴ Алексеев Н.Н. К учению об объективном праве. С. 239.
- ¹⁵ Алексеев Н.Н. Религия, право и нравственность. Париж, 1931. С. 23.
- ¹⁶ Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб, 1998. С. 71–72.
- ¹⁷ Там же. С. 72.
- ¹⁸ Там же. С. 69.
- ¹⁹ Там же. С. 92.
- ²⁰ Там же. С. 86.
- ²¹ Там же. С. 100.
- ²² Чухина Л.А. Человек и его ценностный мир в феноменологической философии Макса Шелера // Шелер М. Избранные произведения. М., 1994. С. 381.
- ²³ Алексеев Н.Н. Основы философии права. С. 107.
- ²⁴ Там же. С. 68.
- ²⁵ Там же. С. 73.
- ²⁶ Там же. С. 86.
- ²⁷ Алексеев Н.Н. К учению об объективном праве. С. 253.
- ²⁸ Алексеев Н.Н. Основы философии права. С. 111.
- ²⁹ Карсавин Л.П. Основы политики // Основы евразийства. М., 2002. С. 407.
- ³⁰ Там же. С. 406.
- ³¹ Там же. С. 406 —407.
- ³² Прибыткова Е.А. В поисках этического минимума: Г. Еллинек, Э. фон Гартман, Вл. Соловьев // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 2006–2007 [8]. М., 2009. С. 311.
- ³³ Gurvitch G. Sociology of Law. New York, 1942. P. 59.
- ³⁴ Гурвич Г.Д. Русская философия первой четверти ХХ века (1926) // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 2006–2007 [8]. С. 503.
- ³⁵ Гурвич Г.Д. Юридическая опыт и плюралистическая философия права // Гурвич Г.Д. Философия и социология права. СПб, 2004. С. 251.
- ³⁶ Там же. С. 263.
- ³⁷ Там же. С. 271.
- ³⁸ Гурвич Г.Д. Русская философия первой четверти ХХ века. С. 511.
- ³⁹ Гурвич Г.Д. Юридический опыт и плюралистическая философия права. С. 274.
- ⁴⁰ Карсавин Л.П. Философия истории. М., 2007. С. 49; Гурвич Г.Д. Юридическая опыт и плюралистическая философия права. С. 272.
- ⁴¹ Алексеев Н.Н. Теория государства // Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 601; Письма Н.С. Трубецкого к П.Н. Савицкому // Соболев А.В. О русской философии. СПб, 2008. С. 459.